

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Криминальная байка

В 1984 году мне пришлось около двух месяцев отдохнуть от трудов праведных по причине содержания в камере предварительного заключения в славном городе Сургуте. Наматывалась на мою шею 206-я, часть 2. для несведущих, это злостная хулиганка с нанесением.

«Нанесение» было представлено фингалом под глазом человека в серой форме. Проступок, конечно, никак не тянул на тот срок, которым меня пытались запугать. Не буду вдаваться в подробности. Скажу только, что если б это был не мент, да еще со звездочками на погонах, мне бы, наверняка вынесли благодарность за благородный поступок.

Но речь пойдет не обо мне. В камере я коротал время с одним хантом. Звали его Васька Пальянов. За что его определили моим соседом, он рассказал следующее:

— Рядом с нашим поселком, это примерно километров в трех, поставили буровую. Понаехали буровики.

Беспокойно стало в поселке, приезжают значитса часто пьяные, буянят, к девкам нашим да бабам пристают. Даже раз драку затеяли. Правда, дрались между собой, наших никого не трогали. Но все равно страшно, особенно бабам нашим и детишкам. Как только вахтовка с буровиками заезжает в деревню, те сразу по домам прячутся.

Но помаленьку попривыкли. Тем более что нас старались не задевать. Я живу на берегу Лор Яхи. Дом мой получается крайний. А живем мы впятером. Жена у меня, Нинкой зовут. Она молодая еще. Двадцать три годика всего, а уже успела народить мне двоих. С нами живет Нинкина мамка, она уже старая. А жена у меня, красивая, стройненькая, волосы черные. Ха-ха, наверняка ее мамку заезжий геолог ебал. Красивый наверно был. Я у мамки то спрашивал, смеется старая, но не признается.

Ну, значитса, повадился ходить к Нинке один буровик. Был он, кажись, не русский, потому что говорил по-русски много хуже, чем я. Звали его Янеком, высокий, волосы рыжие. Говорит, что с Прибалтики, откуда-то. Ну, ходит и ходит, мне че, жалко, что ли. Нинка то мне все рассказывала. Значит, ходил он, ходил, пока я на охоте (а уходил на промысел я надолго, иногда неделями дома не бывал), сначала то, ничего, ну принесет бутылочку, разопьют ее и все.

Потом приставать стал, лапать. Да мне че, пусть бы и поебал, жалко, что ли. Да и женка была не против. Только дома же рябителишки, и старуха то жа. Не удобно ж. А он прям дома и приставал. Однако, вечером раз он ее выебал. Напоили старуху. Пацан с девкой спали уже. Ну, Нинка и дала. Да не жалко, пусть баба удовольствие получит, не убудет же. Мы, ханты, не ревнивые, не то, что вы русские. Рассказывала Нинка, что приятно было, когда тот еб ее. Хуй его толще и длиннее был, чем мой. Говорит, что до матки доставал. И в первый раз четыре раза на нее залазил.

Один раз, когда я с промысла вернулся, то встретился с ним. Ну, думаю, сбегает в магазин за водкой, попьем, познакомимся. Ага, смылся рыжий. Потом он утром приходил стал. Говорит вечером на вахту. Ну, Нинка то днем стеснялась сначала, так он даже стукнул ее. Зря он это. Потом он, однако, по-другому стал делать. Принесет водки и заставит старуху пить. Когда та свалится, Рыжик девку то мою с пацаном, в угол загонит и накроет одеялом. Да попугает, мол не высовывайтесь, и не подглядывайте. Петька то младший, ему всего полтора года, ни че еще не понимает. А девке уже пять лет.

Ей интересно, что там дядька с ее мамкой делает. А потом Нинку на кровать, одежду кверху задерет, и давай ебать. А койка железная, скрипит больно шибко.

Ну, я однажды, однако, предупредил этого Янека, что бы не ходил больше к Нинке, уводи, говорю, куда ни будь, а при детишках ебать не надо. Рыжий ничего не сказал, хмыкнул тока. Потом его не было долго, однако больше месяца. Потом он снова стал ходить к моей жене. Принесет теще бутылку, детям конфет сосательных, те разползутся по углам, он жену мою на кровать, и давай дрючить.

Когда мне Нинка рассказывала, я думал про себя, че мол, ну пусть ебет. Пацан все равно еще ни фига ни понимает. А Зинка, дочь то, че, мамкиной пизды не видела, че ли. Или хуя. Я вон всегда при ней ссу. Че такого. Только дальше, однако, этот Рыжий плохо себя повел. Уходил я в тайгу, значится на два дня. Когда вернулся, Нинка мне такого порассказала. Значит, ушел я в тайгу, а к вечеру этот приперся. Сначала то все по старому было. Значит, принес он водки и сосулек детишкам.

Ну, ребетня то конфетки за щеки и по углам расползлись. Водку, однако, он на всех налил, первый раз, потом то теща остатки допила. Ну, значится, выпили они, и Рыжий Нинку в койку затащил. Ну, раздел он ее, сам разделся, раздвинул ноги и впер свой хуило. Поебал он ее, когда кончили, отдохнул немного. И стал просить Нинку, что б она ему пососала, ну жена не хотела в рот брать, боюсь, говорит, что вырвет меня. Тогда Рыжий разорался, назвал мою жену сукой, и избил. Не сильно, правда. Но когда тот приставил свой хуй к ее губам, она со страху взяла в рот и стала его сосать.

Тогда он взял жену за волосы и стал насаживать Нинку на хуй полностью. Нинка говорит, что сначала ее немного тошнило, но потом прошло. Когда хуй полностью задеревенел, буровик поставил ее раком и ввел его ей в пизду, а руками схватил за титьки и стал больно их мять. Нинка говорит что, даже, несмотря на боль, ей было очень приятно. Скоро она начала кончать. Но Рыжий в это время вытащил свой хуй из Нинкиной пизды и стал пихать его ей в жопу. Баба моя заскулила, стала просить того, что б не ебал ее в жопу, больно ведь сильно.

Но мужик не слушал и засадил ей таки полностью. Ребятишки уже привыкшие к возне на кровати мамки с мужиком, сначала не обращали на них внимания, но когда мамка стала плакать, испуганно забились в угол. В ту ночь Нинка так и не уснула, из-за боли в жопе. А в следующий вечер все повторилось.

Когда я услышал, то сильно разозлился. Я пошел на буровую и, найдя Янека, поговорил с ним. Я тогда еще, по-хорошему, просил Рыжего отстать от моей жены. Не приходить больше ко мне в дом. Но тот в ответ только смеялся. Через три дня я снова ушел в тайгу. В этот раз я пробыл на охоте всего один день. Дольше вытерпеть не смог, так как беспокоился за свою жену. Дома Нинка мне сказала что Рыжий, узнав, что меня нет, снова приходил. И опять заставил ее сосать его хуй, и опять в конце выеб в жопу.

Ладно, думаю, однако, я сам посмотрю, что там у них делается. Дня через два, не помню точно, я попросил жену сказать подружкам, что снова ухожу в тайгу. Я уже знал, кто давал сигнал Рыжему, когда меня не будет дома и сколько. В поселок часто шастали буровики, кто за водкой, кто бабу себе нашел, и теперь ходил поебывал. А днем, когда бабы собирались вместе языки почесать, и выкладывали друг другу, кто и когда уходит в тайгу. А те рассказывали своим ебарям. А те уже сами планировали свои походы к нашим бабам.

Однако, в тайгу я не пошел, а притаился у дороги, возле буровой. Несколько мужиков к вечеру потянулись в поселок. Но рыжего среди них не было. Я просидел возле дороги до

темноты, а на ночь, свив себе гнездо, проспал до утра. Это вы, русские — нежинки, не можете нормально с тайгой общаться. А для нас хантов тайга — дом родной. Летом нас гнус в тайге не ест, зимой даже в сорокоградусный мороз мы можем спокойно провести в тайге несколько дней.

Утром я дождался, когда рыжий пойдет в поселок, и двинулся рядом с дорогой за ним. Не доходя до поселка, я немного подождал и незаметно пробрался к дому. Через открытое окошко залез на кухню. Двери на кухне не было, поэтому все, что творилось в комнате, было неплохо видно.

Надо еще сказать, что дом мой состоял из кухни и большой комнаты. Правда, когда я получил этот дом, было две комнаты, но стену между комнатами я сломал. Так нам, хантам привычней. Мы всегда вместе живем и ничего друг от друга не скрываем. А на кухне мы летом не готовим. На улице печка стоит, там и варим. Еще есть сени. Значится, залез я на кухню и, прислонив ружье к стенке, стал наблюдать, что творилось в комнате. Меня никто не видел. Ханта, если он захочет, вообще трудно увидеть. И не только в Тайге. Я тогда прикинул, что если б захотел пройти через комнату в сени, меня навряд ли б заметили.

Теща сидела у выхода с уже полуопустошенной бутылкой водки, и глотала водяру из горлышка. Маленький Петька у окна ползал по шкуре добытого мной в позапрошлом году медведя. А Зинка притаилась в углу и таращила свои глазенки на койку, куда Рыжий, раздев мою жену, укладывал. Стянув с себя штаны от энцифалитки вместе с трусами, ебать жены, раздвинул ее ноги и залез между ними. Стоящий хуй был и в самом деле большим и толстым. Но и пизда у жены тоже была не маленькая. Хотя, когда член входил, Нинка прикрыла глаза и открыла ротик, было видно что ей нравится. Наверное его хуй Нинкина пизда обтягивала плотнее чем мой. Да пусть. Однако, он стал ебать жену, койка сильно скрипела, Жена, однако, балдела, потому что я слышал как она тихонько постанывала и явно не от боли. Со мной никогда так не стонала. Не, обидно мне не было. Каким природа наградила, таким и ебу. Ни че здесь не поделаешь.

Однако, долго рыжий ебал мою Нинку. И по разному. Сначала ноги себе на плечи закинул. Потом они лежали на боку и рыжий входил в жену пизды сзади. Когда они так еблись, мне даже видно как его хуй входил в щель моей жены и выходил, выворачивая пизду наизнанку. А крупные яйца шлепались об ее задницу. Потом они слезли с кровати, и жена нагнувшись к кровати, выпятила свою попу. И рыжий опять всадил в нее свой толстый член. Нинка, пока ее ебал этот рыжий не один раз мне, кажется, кончила.

Потом они минут двадцать отдыхали, просто валялись голые на кровати. Старая уже валялась у порога в отрубоне. А пацан с девкой вовсю таращились на голых мамку с дядькой. Отдохнув, рыжий лег поперек кровати и заставил жену сосать его опавший хуй. Сначала то было ничего. А потом, когда хуй стал увеличиваться в размерах, я немного испугался за жену, вдруг подавится. Однако, ниче, обошлось. Он даже взял Нинку за голову и стал помогать своему члену поглубже влезть в глотку моей жены. Когда рыжий положил Нинку на диван и стал вводить свой хуй ей в жопу, у той из глаз брызнули слезы.

Она стиснула зубы, что бы не закричать. Мне стало сильно жалко жену, я вышел из укрытия и подошел к кровати. Рыжий Янек спрыгнул с жены, увидев меня. Он с удивлением глядел на меня как на призрак. Хуй измазанный говном моей жены и сначала глядевший на меня, стал помаленьку ложиться в положение «пол шестого» Я неожиданно для него ударил сапогом по яйца. Тот скорчился от боли.

Ну, я и выговорил ему все, что я о нем думал. Я сказал ему, что, если он еще раз придет к моей жене, я его убью. Однако, я много болтал, потому что Рыжий успел отойти от моего удара. Он двинул мне по челюсти так, что я отлетел к кухне. Гад, два зуба мне выбил. Вон, смотри.

Он стал кричать, что я пидорас, что выебет сейчас меня в жопу. И вообще, будет ебать всю мою семью, даже маленького Петьку. Я с испугу бросился на кухню, схватил там ружье. Оно дробью было заряжено. Ну и пальнул рыжему в голову. Когда тот упал, я вышел на улицу.

Там сел на завалинку и закурил. Вскоре ко мне вышли, уже одетая Нинка и дети. Жена обняла меня и заплакала. И рябителишки, глядя на свою мамку, тоже ревели, и жались ко мне.

Я сказал Нинке, что б она сбегала за фельдшаром и милицию вызвала. Она убежала, а я долго сидел и курил. И думал. Я ведь не хотел убивать Рыжего, почему я не сдержался. Мне даже жаль этого гада. Но с другой стороны, зачем он делал больно моей жене. Ведь она тоже человек.

Потом ко мне во двор понабилося полно людей. Были среди них и фельдшар и милиционеры. Рыжий, как оказалось выжил. Потом, уже в тюрьме я узнал, что жить он будет, а вот трубы катать не сможет. Говорили, ума не хватит. Тронулся он умом то. Однако, ладно, че теперь поделаешь. Хоть живой остался.

Судили нас в один день. Мне выпало платить государству двадцать процентов моей зарплаты в течение двух лет. И жить безвыездно по месту прописки, то есть в Тюмени. Последнее я правда через месяц успешно обжаловал. И продолжил работать вахтовым методом.

Ваське дали год условно.

Вот такие дела.